

Великая Духовная Пагода, Небесный Дворец.

Храм Синшань представлял собой раскидистого гиганта, изгибавшегося дугой в облака. Казалось, что он собирает в своей вершине красные лучи солнца. Белые нефритовые перила накладывались друг на друга, и океан зеленых глазурованных плиток под сенью древнего дерева превратился в сплошную равнину.

Карета вдовствующей супруги остановилась перед храмом, и две дворцовые служанки в светло-красных одеждах помогли ей выйти из нее.

Вдовствующей супруге было уже сорок лет, но она хорошо следила за собой. Ее овальное лицо было благословлено очаровательной парой глаз, у нее было лишь несколько мелких морщинок вокруг уголков глаз, а тонкие губы, казалось, слегка изгибались вверх: когда она была моложе, она была совершенно прекрасной девушкой.

Эта любимая супруга предыдущего императора была одета в королевский пурпур, дополненный свежим осенним желтым мотивом. Ее благородная аура намеренно содержала в себе юношеские нотки. Она опустила свое драгоценное головное украшение, ее волосы были заколоты одной единственной шпилькой, и она выглянула из конной повозки, как будто о чем-то размышляя. Она опустила свои выгравированные золотые хучжи [1] и изящно передала их храмовой рабыне.

За ней следовала еще одна карета. Дворцовая служанка Пейюнь сначала спрыгнула с кареты, а затем протянула руку в карету, чтобы поддержать принцессу Дуаньян.

Ли Сонгмин родилась с лицом, очень похожим на лицо вдовствующей супруги Чжао. Ее глаза были большими и блестящими. Но, родившись принцессой, ей не нужно было заботиться о том, что думают другие, и поэтому излучала очень уверенную ауру. В ее отношении всегда чувствовалось высокомерное равнодушие.

Вдовствующая супруга Чжао ждала на месте, пока дочь подойдет к ней. Однако, как только она увидела ее яркую одежду и неторопливый вид, ее брови нахмурились: «Пейюнь, как ты подбирала одежду для принцессы?»

Пейюнь испугалась и обернулась, чтобы взглянуть на выражение лица Дуаньян. Принцесса вела себя мило, когда потянула вдовствующую супругу Чжао за руку: «Матушка, это я выбрала наряд. Сегодня такая хорошая погода, это отличный день, чтобы выйти в свет».

«Сонгмин, сколько раз я повторяла? Перед Буддой ты должна быть смиренной». Она на мгновение остановилась, увидев довольно вялое и нездоровое лицо Дуаньян. Затем она протерла глаза и тихо сказала с душевной болью: «Тебе снова приснился кошмар?»

Она обернулась, чтобы осмотреться, и увидела фигуру Лю Фуи, стоящего у подножия горы. Выражение ее лица несколько прояснилось, и она взяла Дуаньян за руку и понизила голос: «Твоя матушка нашла способ решить проблему. Скорее всего, раньше мы были слишком неискренними и поэтому навлекли на себя гнев божий. ... на этот раз Мы пожертвовали 300 цзинь [2] серебра для благовоний. Я лично приклонюсь и извинюсь перед Буддой. Тебе определенно больше не будут сниться кошмары».

Лицо Дуаньяна было полно неодобрения, и она собиралась начать спор, но в конце концов сдалась в разочаровании.

Она проследила за бледным взглядом матери и увидела под темно-синим небом фигуру

молодого человека, стоящего под далеким массивом зеленых гор. Он стоял очень прямо и ровно. Его рукава и черные волосы плясали на ветру, как у изгнанного бессмертного.

Она хотела бросить на него еще несколько любопытных взглядов, но не успела она опомниться, как они уже подошли к входу в главный зал. Вдовствующая супруга втащила ее в холл, и в лицо ей ударил поток аромата сандалового дерева. Дверь медленно закрылась за ней. Вдовствующая супруга Чжао слегка склонила голову набок, половина ее лица была в тени: «Вы все ждете у ворот».

Храмовые рабыни почтительно засучили рукава, выстроились и загородили вход.

Палящее солнце уже начало склоняться к горизонту. Время от времени дул ветер и тряс вездесущие сосны и кипарисы, заставляя их громко шелестеть. Посреди всей этой мягкости величественные храмовые залы были совершенно неподвижны.

Осколки солнечного света, пробившиеся сквозь листву, упали на лицо Лю Фуи. Его приятный голос звучал низким, когда он сказал: «Лазурный горный ручей мягко струился, утекая в цветочный дворец».

Голос Му Яо был подобен звону драгоценных камней, холодный и приятный для слуха: «...замшелая зелень утреннего дождя, шум ветра в осеннюю полночь».

Услышав ее голос, он обернулся и улыбнулся ей.

«Когда сестренка выучила это стихотворение? Почему я не знал об этом?» Му Шэн слегка прищурился, когда привычно прервал эту теплую и гармоничную сцену.

Му Яо была в хорошем настроении и немного рассмеялась, подняв подбородок: «Я только что выучила это».

Му Шэн повернул голову, чтобы увидеть не так далеко стену, скрытую от его глаз деревом. На ней какой-то неизвестный ученый жирным шрифтом написал стихотворение.

Линг Мяомяо тихонько хихикнула про себя, но когда Му Шэн бросил на нее взгляд «Я-запомню-это-и-приду-за-тобой», она испугалась и съежилась за спиной Лю Фуи. Когда она высунула голову, чтобы оценить ситуацию, она увидела, что свежее и юное лицо Му Шэна было совершенно темным, и она не могла не украдкой рассмеяться.

Смотреть на асуров [3] каждый день было прекрасной жизнью.

«Яо'эр, ты почувствовала демоническую ци?» Лю Фуи играл с изящной маленькой Пагодой Девяти Таинственных Демонов, пока серьезно что-то обдумывал.

«Нет.» Му Яо не колебалась: «Однако я не думаю, что принцесса будет опутана кошмарами без всякой причины. Только вдовствующая супруга Чжао пока не хочет, чтобы мы вмешивались, так что расследовать будет очень сложно. Мы связаны по рукам и ногам».

Лю Фуи рассуждал: «Семейные скелеты лучше хранить в шкафу, не говоря уже о секретах императорской семьи».

Му Шэн осмотрел величественный императорский храм через длинные многоуровневые перила. За красными колоннами, разбросанными вокруг, стояли две шеренги опытных храмовых рабынь.

Он вдруг холодно улынулся: «Очень скоро у нее не будет выбора, кроме как поделиться с нами этой императорской фамильной тайной».

«Верующая Чжао Циньру привела свою дочь Ли Сонгмин...» Рука вдовствующей супруги Чжао слегка дрожала, когда она села на пол, расположив свою юбку веером.

Ее голос становился все тише и тише, пока она не стала говорить почти сама с собой: «Раз уж мне сказали, что я родилась богиней, мне должно было безгранично везти, верно? Почему... почему мне кажется, что я все глубже падаю в пропасть?»

На троне из лотосов восседал массивный золотой приветствующий Будда. У него был небольшой наклон вниз и легкая улыбка, как будто он смотрел на мир и всех простых людей. Дуаньян, которая стояла на коленях в холле, не осмелилась поднять голову. Она только чувствовала, что его живое изображение было подобно шару золотого света, давившему ей на голову.

Она чувствовала себя встревоженной и беспокойной, но вдовствующая супруга Чжао все еще с закрытыми глазами стояла на коленях и бормотала:

«Ваша верующая последовала вашим указаниям и предложила все, что у меня есть, в качестве приношений. Будда, пожалуйста, защити здоровье и тело моего ребенка, чтобы ее больше не мучили кошмары... вся карма тех давних дней должна быть возложена на мое тело. Эти злонамеренные люди...» Внезапно в ее мозгу пронесся взрыв сцен и воспоминаний, и ее плотно закрытые глаза распахнулись с безжалостным и решительным взглядом: «Все ушли в глубины ада, и никогда не переродятся!»

После всплеска ее надежд она, казалось, убрала камень со своего сердца. Она глубоко вздохнула с облегчением, встала, помыла руки и зажгла шесть палочек благовоний, чтобы вставить их в курильницу. Сразу после этого она снова опустилась на колени на молитвенном коврик. Она подняла руки и сложила их вместе в молитве и подняла их высоко над головой. Затем она опустила их к краю рта и остановилась на мгновение, прежде чем опустить руки к солнечному сплетению. Раскрыв руки, она указала вверх центрами ладоней, когда ее верхняя часть тела благочестиво распростерлась на земле.

Дым клубился в воздухе, поднимаясь под наклоном.

«Минмин, иди скорее и тоже встань на колени.» Она поспешно позвала Дуаньян и потянула нежелающую девочку встать на колени на молитвенном коврик.

Запах сандалового дерева был тяжелым, и она была несколько рассеянна, когда над ее ухом раздался тихий голос: «Богиня...»

Дуаньян почувствовала, как порыв ветра, почти как рука, прошел мимо ее позвоночника.

В это мгновение ее лоб онемел, и она тотчас вскочила, как кошка, которой наступили на хвост: «Матушка! Вы слышали? Вы тоже это слышали...»

Над ее ухом присоединялось все больше и больше голосов: «Богиня... Богиня, быстрее следуй за нами...»

Старые голоса, молодые голоса. Мужские голоса и женские голоса. Радостные голоса и тревожные голоса...

Голоса, наслоившиеся друг на друга, были внезапно рассеяны ветром, воздух раскололся вращающимися течениями, и голоса перестали быть четкими. Они медленно превратились в завывания ветра.

Свет перед ее глазами медленно темнел. Перед ней раскинулся длинный темный проход. Обе стороны были тускло освещены, и Бодхисаттвы [4] всех цветов и форм выстроились вдоль сторон.

□□Под стать императорской семье, Будды в храме были сделаны из чистого золота и белого нефрита, они были статуями чистой внушительности. Выдающиеся и недостижимые. Тем не менее, Бодхисаттвы перед ее глазами были полностью зелеными, синими, ярко-красными, желтыми и т. д. Они были похожи на красочные глиняные статуи божеств в общественных храмах: красивые, но причудливые.

Дуаньян смотрела на все это с шоком и смущением, а ее лицо стало таким красным, что казалось, что вот-вот потечет кровь.

Эти Бодхисаттвы были чрезвычайно реалистичны, каждая складка их одежды была как настоящая, не говоря уже об их позах.

□□Мужчины и женщины были полураздеты. Их запястья украшало бесчисленное количество золотых полос, и они располагались небольшими группами по двое или трое. Они полностью показывали то, что следовало бы прикрывать: они были во всевозможных извращенных позах, которые могли заставить людей потерять дар речи, предаваясь плотским удовольствиям. Они должны были быть холодными и безжизненными Бодхисаттвами, но они были более бесстыдными и дикими, чем мужчины и женщины мира смертных...

Дуаньян почувствовала, как волна голосов обрушилась на ее ухо: «Богиня, мы ждали тебя здесь очень долго».

Ее лицо из красного стало зеленым, а зубы начали стучать. В ее голове осталась только одна мысль.

Кошмар. Кошмар стал реальностью.

В промежутках между вдохами она почти чувствовала, как будто ее легкое набивается ватой. Словно боясь, что какая-то невидимая рука подхватит ее, она убежала, как слепой, поскользнувшийся в стране льда и снега. Она закричала дрожащим голосом: «Я не пойду... не зовите меня! Не зовите!»

«Минмин? Минмин?!» Вдовствующая супруга Чжао увидела, как Дуаньян внезапно сошла с ума и начала кричать. Принцесса била руками по воздуху, и вдовствующая супруга Чжао поспешно подбежала, чтобы поднять ее, но внезапно была отброшена в сторону.

Лицо Дуаньян было пепельным, когда она бросилась в закрытую дверь холла. Она скорбно вскрикнула несколько раз, прежде чем ее движения внезапно замедлились. Черная кровь потекла из ее ушей и растянулась длинной яркой полосой на ее шее.

Вдовствующая супруга Чжао почувствовала, как в ее голове произошел взрыв. Она испустила дрожащий пронзительный крик: «Мое дитя—!! Кто-нибудь, подойдите сюда! Кто-нибудь, сейчас же!»

Внезапно над ее ухом раздался тихий голос. Он был полон насмешек и ликования, ворвавшись

в ее уши, как холодный вихрь: «Верующая Чжао Циньру, разве ты не должна поклоняться в другом храме?»

Лицо вдовствующей супруги Чжао, покрасневшее от беспокойства, вдруг побледнело. Она сделала несколько шагов назад и растерянно обернулась.

«Не зовите меня...» Скорбный голос принцессы становился все слабее и слабее. Она начала падать назад, но в тот момент, когда она мягко упала, она увидела, как раскрылась дверь холла. Мгновенно все ужасающие голоса исчезли, и в ее ухе осталось только стрекотание насекомых с окружающих деревьев.

Прохладный ветерок принес с собой алые лучи заката. Небо сияло красивым цветом, и все это было позади человека.

Лю Фуи устойчиво поймал тело принцессы, и его холодный взгляд пробежался по мрачному залу, прежде чем упасть на онемевшее лицо вдовствующей супруги Чжао.

«Ваше высочество.» Он крикнул, чтобы напомнить ей без каких-либо других движений. Он намеренно повысил голос, когда сказал: «Принцесса потеряла сознание, нам нужно вызвать имперского врача?»

Спина Лю Фуи была прямой, как стена, так как он был полностью начеку. Его Пагода Девяти Таинственных Демонов была у него в рукаве, и если бы она уловила даже малейшую струйку демонической ци, это сокровище тут же бы выскочило и осветило все, чтобы убедиться, что причиняющей вред сущности будет негде спрятаться.

К сожалению, никакой демонической ци не было. Горячий ночной ветер развеивал его волосы, сияние заката на горизонте отражалось от золотого изображения Будды, сидящего на троне из лотосов. Это выглядело величественно, и торжественно, исключительно великолепный вид.

Увидев Будду, девушки-рабыни за пределами храма не осмелились присмотреться, так как они все преклонили колени у ворот. Позади их блестящих волос конь королевской кареты от скуки вилял хвостом, и все вокруг было тихо, если не считать вездесущего шума ветра.

Рукава Лю Фуи развеивались на ветру, когда он держал принцессу на руках.

«Да...» Хаотичное дыхание вдовствующей супруги Чжао медленно успокоилось. Она скомкала носовой платок, прежде чем протянуть руку и провести ей по волосам. Наконец к ней вернулась часть достоинства: «Принцесса потеряла сознание. Пойдемте, мы вернемся во дворец.

Вдовствующая супруга Чжао медленно приблизилась к Лю Фуи и Му Яо, стоящей с серьезным лицом рядом с ним. Консорт Чжао все еще казалась огорченной, и ее голос увял: «Что-то действительно не так с храмом... пожалуйста, помогите нам».

«Вдовствующая супруга, Ваше Высочество...» Ясные глаза Му Яо уставились на нее, в них было скрытое отвращение: «В храме нет демонической ци».

Вдовствующая супруга Чжао задрожала: «Невозможно!»

«Почему невозможно?» Из толпы раздался томный голос.

Белоснежное лицо Му Шэна было наполовину скрыто в тени. Были видны только его

блестящие черные зрачки. Они выглядели так, будто в них отражалось ночное небо, пара сокрушительных мазков света в темноте.

На лице вдовствующей супруги Чжао промелькнул страх, стоило ей только посмотреть на Му Шэна, и ее рот подсознательно дернулся.

Му Шэн сжал оставшуюся половину палочки благовоний из первоначальных шести. Он вышел из темноты и с несчастным видом попал в поле зрения всех присутствующих: «Всех вас до такой степени напугала всего лишь щепотка галлюциногена?»

Его не беспокоило выражение лица вдовствующей супруги Чжао, когда он опустил голову, чтобы поднять скатерть стола с курильницей на ней: «Мяомяо, поторопитесь, всё так?»

Из-за стола для курильницы вылезла Мяомяо, держа в руке две большие палочки благовоний:

«Здесь все благовония, которые еще не сожгли. Когда мы вернемся, мы их проверим.»

~~~~~

[1] Хучжи - “броня для ногтей”. Их часто носят королевские особы в исторических дорамах, и они выглядят как длинные золотые когти на пальцы.

[2] Цзинь — мера веса = 0,5 кг. Наложница Чжао пожертвовала 150 кг серебра для благовоний.

[3] Асуры — буддийские “демоны”. Смотреть асуров каждый день — жить жизнью буддийского монаха.

[4] Бодхисаттвы — буддийские божества.

<http://tl.rulate.ru/book/44922/3079906>